

Фэн Жуй, находясь в теле Цю Минцюаня, ощущал связь с ним, а значит, и боль. Резкая, жгучая пронзила его, и он не смог сдержать ярости.

— Эта стерва бьет моего хозяина, а значит, бьет и меня!

— Не лезь на рожон, притворись слабаком, — с радостью предложил он.

Цю Минцюань немного замешкался, но всё же последовал его совету и слабо закричал:

— Ай! Больно!

— Тетушка Ван, не бейте меня, я не нарочно! Вся вода в моем доме... ваша.

Он плакал так жалобно, что тут же обхватил ногу тетушки Ван, руками размазывая грязь по её одежде:

— Тетушка Ван, не бейте меня!

Тетушка Ван покраснела от злости, увидев, что её новые брюки испачканы грязью, и чуть не схватилась за сердце. Она изо всех сил пыталась оттолкнуть Цю Минцюаня:

— Убирайся отсюда!

— Не бейте меня! У-у-у...

Тетушка Ван была крупной женщиной, у которой при движении ходила ходуном вся туша, а на фоне её ног Цю Минцюань выглядел особенно жалким. Некоторые соседи, видя это, не могли больше оставаться в стороне.

Лю Циньхуа быстро подошла, схватила Цю Минцюаня и с раздражением загородила его собой:

— Взрослая тетка, а ребенка бьет! Не стыдно?!

Тетушка Ван с досадой плюнула:

— Не лезь не в свое дело, а то дверь твоей парикмахерской закроется навсегда!

Лю Циньхуа держала парикмахерскую, и, как все торговцы, была очень суеверна. Она тут же вскипела:

— Пусть лучше разорюсь, чем буду обижать сирот и стариков! Только бессовестных бьет молния!

Во дворе поднялся шум. Крики женщин, перебранка и крики петуха смешались в один гул.

Президент Фэн, наблюдая за всем через глаза Цю Минцюаня, был слегка шокирован.

В его жизни он всегда жил в роскоши и комфорте, когда же он так близко сталкивался с этой живой, грубой реальностью?

Цю Минцюань спрятался за спиной Лю Циньхуа и потянул её за рукав:

— Я в порядке, спасибо, тетя Лю.

Раньше он был замкнутым и малообщительным, но искренняя благодарность в его голосе

растрогала Лю Циньхуа.

Она наклонилась, погладила его мягкие черные волосы и с размаху махнула рукой:

— Волосы уже такие длинные, завтра приходи, я подстригу тебе бесплатно!

На плите закипела вода. Цю Минцюань поставил кастрюлю с кашей из сладкого картофеля на огонь, и вскоре она начала булькать, наполняя воздух ароматом.

В этот момент муж тетушки Ван, У Дагэнь, стоявший рядом у плиты, начал сильно кашлять.

— Эй, что случилось? — оглянулась тетушка Ван и увидела, как из их печи повалил черный дым с странным запахом.

У Дагэнь вдруг заорал:

— Кто этот чертенок, который пописал на наши угольные брикеты?!

Соседи вокруг разразились смехом. Те, кто стоял ближе, начали махать веерами, чтобы отогнать запах, и с улыбками говорили:

— Дядя У, ваш же сын — известный проказник, может, это он?

— Ох, черт возьми! Какой-то мелкий ублюдок, такой подлый и бессовестный! — кричала тетушка Ван, глядя на черный дым и вонь, и прыгая от злости. — Если поймаю, задницу оторву, чтобы больше не мог ходить!

Она кричала вовсю, когда Цю Минцюань вдруг встал перед ней и слегка приподнял бровь:

— Это я сделал.

Тетушка Ван опешила, не сразу поняв.

Мальчик, стоявший перед ней, говорил четко, его черные глаза смотрели прямо и уверенно:

— У нас дома постоянно пропадают угольные брикеты. За последнее время пропало несколько десятков штук. Вчера я пописал на наши брикеты, чтобы посмотреть, кто их украдет.

Соседи, прислушивавшиеся к разговору, тут же всё поняли и рассмеялись.

Маленький Цю, обычно тихий и незаметный, оказался хитрым.

Тетушка Ван, наконец, осознала, что произошло, и её лицо покраснело:

— Пф! Ты пописал на свои брикеты, какое это имеет отношение к нам? Мой сын тоже может писать!

— Ага, — сказал Цю Минцюань, а затем бросил убийственный аргумент. — На всех наших брикетах я отломил маленький уголок.

Он взял один из своих брикетов и показал всем явный скол.

Затем он наклонил голову и с наивным выражением лица спросил:

— Тетушка Ван, а ваши брикеты?

Он протянул руку, чтобы поднять брикет у ног У Дагэня, но тетушка Ван, охваченная паникой, закричала:

— Не трогай!..

Соседи всё поняли и засмеялись. Лю Циньхуа не сдерживала смеха и хлопнула в ладоши:

— Ох, ну и дела!

Тетушка Ван нахмурилась и начала ругать Цю Минцюаня:

— Маленький ублюдок, без отца и матери! Только и знаешь, что гадить!

Цю Минцюань усмехнулся, его белые зубы выглядели неожиданно острыми:

— Если бы родители учили меня воровать, я бы предпочел обойтись без них.

В прошлой жизни такие слова ранили бы его, вызывая боль и стыд. Но сейчас... он уже был спокоен.

У Дагэнь, человек простой и честный, не знал, что его жена занималась воровством. Теперь он покраснел от стыда, и его лицо стало багровым.

Он подошел к своей куче угля, взял несколько брикетов и молча поставил их у двери Цю Минцюаня.

Он ходил туда-сюда, пока не перенес ровно пятьдесят штук, после чего остановился, запыхавшись.

Тетушка Ван, вне себя от ярости, выкрикнула:

— Почему ты вернул ему так много? Я взяла всего пару десятков!

Как только она это сказала, весь двор взорвался смехом.

Лю Циньхуа, смеясь, сказала:

— Вот, оказывается, вы еще и воровка. Если не признаетесь, позовем полицию. Мой старший сын работает в участке, пусть сразу вас заберет!

Старшему сыну Лю Циньхуа было уже девятнадцать, и он рано поступил в полицейскую школу. В то время выпускники таких школ сразу получали статус кадровых работников и распределялись на работу в государственные предприятия и учреждения.

Сын Лю Циньхуа, закончив школу, сразу попал в полицейский участок, что было предметом гордости для их семьи.

У крана с водой Лю Дунфэн добродушно улыбнулся, обнажив мускулистые руки, несмотря на зимний холод:

— Мама, мы не можем просто так арестовывать людей.

Лю Дунфэну было девятнадцать, он был высоким и крепким парнем, прошедшим обучение в полицейской школе. В восьмидесятые годы, когда большинство парней были хилыми, он

выделялся своей силой.

Лю Циньхуа с гордостью смотрела на своего сына:

— Даже маленький вор — это вор. Вы должны защищать народ!

Лю Дунфэн улыбнулся, щелкнул каблуками и отдал честь:

— Служу народу!

... В этот момент у ворот двора раздался ехидный смех.

— Ого, утро, а все дома, — сказал один из четверых или пятерых хулиганов, которые вошли во двор. Их лидер, мужчина лет тридцати, с грубым лицом, остановился у входа и огляделся. Затем он пнул ближайшую печь.

Кастрюля упала, и только что приготовленный сладкий картофель и каша Цю Минцюаня разлились по земле. Угольные брикеты, горящие пламенем, рассыпались на куски и быстро погасли, соприкоснувшись с холодной землей.

— Все дома, как раз. Вы обдумали мое предложение? — с презрением спросил мужчина, размахивая толстой палкой. Она свистела в воздухе, издавая резкие звуки.

Кулаки Цю Минцюаня сжались.

— Что происходит? — почувствовал нечто необычное Фэн Жуй. С момента перерождения он видел Цю Минцюаня спокойным и терпеливым, но сейчас он чувствовал, как в нем клокочет ярость, которую невозможно сдержать.

Как будто раскаленная лава готова была вырваться наружу и сжечь этого мужчину!

Цю Минцюань почувствовал, как его тело оледенело.

Этот мужчина был местным бандитом, который терроризировал окрестности. Именно он когда-то выгнал жителей этого двора, заставив их продать свои дома и землю по смешной цене.

В то время люди не знали, что этот район станет частью нового района Пудун. Под угрозой ножей и дубинок они были вынуждены продать свои скромные жилища и переехать в другие места.

А через два-три года началось строительство нового района Пудун, и земля здесь стала стремительно дорожать. В будущем богатство и процветание этого места уже не имели к ним никакого отношения, и многие семьи остались без крыши над головой, вынужденные снимать жилье.

<http://bllate.org/book/16729/1538371>